

Мартиша Риш

**СБЕЖАВШАЯ НЕВЕСТА.
ОСОБАЯ МАГИЯ ДРОУ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Р57

Р57 **Риш М.**
Сбежавшая невеста. Особая магия дроу / Мартиша Риш – М.:
Литнет, 2026. — 128 с.

ISBN 978-5-524-00804-6

Молодой герцог, сын наместника, нежно смотрит на меня. Он еще не знает, что хозяйка всех окрестных земель — я. Та, что сбежала от своего жениха. Ведь сегодня на ярмарку я надела простое платье травницы.

Сам наместник, конечно же, против того, чтобы сын его женился на простушке. Но ждать осталось недолго, проснется мой дар, все поймут, кто я есть... И я войду хозяйкой в свой замок.

Дар мой не успел проснуться, любимый отрекся от меня раньше. Или это случайность? Сердце болит от тоски, разрывается на тысячи искр. Я чувствую, знаю, мой любимый тоже сходит с ума от такой же боли. Да только предателей не прощают, им мстят.

И я обрела свой порталный дом.

Финал непредсказуем.

Самостоятельная книга цикла!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00804-6

© Литнет, 2026
© М. Риш, 2026

Глава 1

Эльтем (Анна-Мари)

Волосы упали густой волной на лицо, опять сбежали из-под косынки. Как же непривычно носить на голове только деревенский платок и всё! Не забирать локоны ни в какую прическу. Даже косу у меня толком заплести не получается, не дает собственная магия, ее попросту слишком много накопилось.

Дар пока не проснулся, не может еще выйти наружу. И я с нетерпением жду того дня, когда он наконец-то проклюнется словно росток, и вырвется в мир из зерна. Тогда мир станет моим, я наконец обрету свою силу. Устала скрываться, устала сидеть у окна и прясть тонкую нить из лунного света в смеси с овсяной шерстью. Эта работа хоть немного способна утихомирить дар.

И вновь под ногой хрустнула шишка, золотые семечки высыпались наружу. Таких шишек здесь не так уж и много, не то что в парке перед моим замком. Можно сказать, что каждая — привет из дома, отпечаток нашей родовой силы. И как же я скучаю в этом лесу по родному дому, по сводчатым потолкам, по мозаичному полу, по натопленной до жара деревянной купальне, выложенной спилами кедра, что так сильно и остро пахнут смолой. Даже по тем кружевам, которые заставляла плести меня строгая няня. С каким бы неслыханным удовольствием я взяла бы в руки свой костяной крючок. Да только он далеко, а я, вот она — здесь. Няня как будто бы знала, предупреждала, что я буду скучать по нашей тонкой девичьей работе. И вновь перед глазами встают обрывки моего прошлого. Нет, нельзя наслаждаться этими воспоминаниями, нужно ждать, просто ждать, когда внутри меня проснется сила. Тогда и только тогда я смогу возвратиться домой. И уже не девицей на выданье, а хозяйкой.

Прядка пощекотала нос, я громко чихнула, поискала платок

и, конечно же, не нашла. Откуда бы взяться карманам на юбке сельского платья? Нет, их, безусловно, можно пришить, но местные сразу же заметят странную деталь моего гардероба, пойдут слухи, а там и до правды недалеко. Кумушки любят обсудить каждую мелочь. Карман на платье — первый признак знатной дамы, остальные носят неудобные сумки на поясе. Я же не ношу ничего.

Жаль, что заколки и шпильки я теперь тоже использовать не могу, так и лежат в небольшом сундучке, ждут своего часа. Хотя бы он поскорей наступил или не наступал вовсе? Не знаю, чего я хочу больше. По вечерам, когда я беру в руки веретено, взгляд то и дело ласкает драгоценные камни. Те самые, которые сияли в моей прическе совершенно недавно. Изумруды, рубины, пластины узорчатого малахита, аметисты в оправе из серебра.

Золото в нашем роду не принято носить, увы. От него только беды идут для таких, как я.

Мне все-таки пришлось поставить корзинку на тропинку под ноги, чтоб поправить волосы, завязать еще туже платок. И как только у селянок это получается так просто? Я каждый раз мучаюсь с узлом и все равно ничего не выходит. Шпильку бы какую простую купить, если повезет выторговать побольше монеток на ярмарке. Докатилась, то что раньше я тратила за день, теперь кажется состоянием. И никто не догадывается, что в моем сундуке россыпь золотых и серебрушек, даже монеты, выбитые из рога, есть. Но их трогать нельзя, чтобы не выдать ни себя, ни своего происхождения. А вот медяков в сундуке нет, их взять с собой я не догадалась. Хорошо, что по платью не угадаешь мой статус, плохо, что в таком платье золотые в моей руке стану выглядеть, скажем так, неуместно.

Я с тоской посмотрела на свою корзину, товаров в ней не так много, да и то только из того, что удалось собрать в этом лесу. Лаванда — это от моли, хрусткий сушеный вереск — это для чая, лисички, перетертые в пыль — их для всего применяют. Крупные, гладкие со всех сторон совершенно как бусинки ягоды брусники — их

местные используют для приворота с моей легкой руки. Нет, беды от них не случиться, приворожить ягодами человека почти невозможно. Дело в другом, если какая девица да посреди ночи войдет в дом молодого мужчины, да еще и держа спелые ягодки в своих губах, то приворот может и не понадобится, все само собой должно получиться. Ну или нет, но и здесь уж не будет моей вины. Зато денег эти веточки приносят не мало, так глядишь и на краюху хлеба сегодня я наскребу.

Никак не пойму, почему деревенские не собирают их сами. Ведь это так просто — выйди в лесок, да загляни на полянку. Но местные в этот лес не суются даже, а я здесь живу. Что ж, тем лучше для меня, но не для них. Лучше бы мне и вовсе не показываться никому на глаза, не выходить в милый, крошечный уездный город. Но продукты сами себя не купят.

Бутур стоит у подножия замка, в нем живут наместник и его сын. Наместник моих земель! Только боюсь, он и сам рассмеется, если узнает, кому скоро станут принадлежать все эти земли. Скорей бы проснулся мой дар.

Под лопаткой кольнуло, я невольно прислушалась к необычному ощущению. Что-то сжалось внутри, сердце ускорило ритм, и капля магии стекла в мои пальцы сама по себе, стало даже немного больно дышать. Началось или мне показалось? Я замерла с корзиной в руке, постаралась прислушаться к себе. Если началось, если дар вот-вот откроется, вырвется из скорлупы, то мне нужно возвращаться домой и как можно скорее! Да только в хижине не осталось никаких продуктов, нет даже хлеба и овощей, о молоке и вовсе можно не вспоминать.

Я оглянулась назад, с тоской посмотрела на тропку. Возвращаться обратно по ней? Или ничего и это еще не прорыв моей силы? Я же трое суток стану лежать пластом, когда все случится и в это время буду особенно уязвима. А врагов у леди Астории много, может, и не удастся мне от них убежать. Удар кинжалом

в сердце — не самое приятное из того, что может произойти. И получить я его могу от кого угодно, хотя бы даже и от наместника. Он слишком привык считать все здесь своим собственным. И уж всяко не мечтает о том, чтоб на его землях появилась законная хозяйка.

Дрожь улеглась, вроде можно идти. Есть-то все равно захочется, нужно хоть что-то купить из еды. Как же все не вовремя получилось или мне только кажется, будто бы из меня рвется наружу дар? Почудилось, наверное. Так же бывает. Ну в самом крайнем случае успею скрыться в канаве, а ночью мне, наверное, удастся и вовсе сбежать.

Лучше уж я навсегда останусь в этом лесу тихой травницей, милой дикаркой, чем попадусь до того, как дар раскроется полностью.

Я потуже свернула волосы в пучок, перетянула замшевым шнурочком, поверх накинула платок, завязала его туго-туго. По моим волосам, точнее, по их особому цвету тоже можно многое разглядеть. Но для этого волосы придется слегка намочить и смотреть на них нужно на рассвете. Сквозь пряди скользят нити моего дара, сверкают золотом и серебром. В обычный же солнечный день так просто этого не увидишь, даже если на площади с меня упадет платок, никто ничего не поймет. Но на взгляд деревенских я совсем опозорюсь. Девиче моих лет и так неприлично жить одной, давно пора уж быть замужем. Шутка ли! Двадцать пять лет, а ни жениха, ни ребёнка, ни мужа. Вот и шепчутся, что со мной что-то не то и не так. Ну да мне до слухов дела нет, мне переждать нужно.

Уж я-то знаю, насколько для ведьмы важен этот возраст вступления в силу, и я просто счастлива, что мне удалось удрать от своего жениха. Князь Орланский наверняка сбился с ног, пока меня ищет. Так ему и надо.

Хорошо, что няня смогла меня укрыть и вывести вон из замка. Что с нею стало? Боюсь и думать, и вспоминать. И это еще никто не знал о моей настоящей магии, родовой, переданной мне от матери.

Не знал и не думал, к чьим ногам по праву склонят голову все богатейшие князья и наместники. Иначе б и на секунду от себя не отпустил.

Я дальше пошагала по тропке, она так и вьется между стволов, солнечный луч ударил в лицо, ослепил. И как же здесь хорошо. Дышится совершенно легко, на ногах не балльные туфли, даже не сапоги для верховой езды, а удобнейшие замшевые ботиночки. Вместо подошвы к ним пришит кусок толстой воловьей кожи. В таких по лесу бродить одно удовольствие. А ведь раньше, ещё в детстве, нянька меня лесом пугала. Бывало, уведет далеко-далеко, да предложит искать тропинку обратно. Стоишь на перепутье дорожек, часть из которых и вовсе не видна обычному взгляду, и гадаешь. Пару раз мне приходилось вызывать мелкого беса, чтобы помог, а то и пользоваться артефактом, вкладывая в него искорку своего еще не раскрытого дара. Тогда-то нянька моя и узнала, кто я есть. Хоть бы только она не проболталась! Иначе на меня откроют такую охоту, о которой и лесные нимфы не знают. А уж их кто только не пытался схватить — и люди, и оборотни, и дреу, как я.

Впереди показался последний пригорок перед выходом на дорогу. Я приподняла юбку, от чего колени мои обнажились, хорошо, что в лесу никто их не видит. И опять загудело в груди, магия будто бы волной льётся, норовит пробить клетку, выхлестнуть наружу. Ничего, сегодня точно ничего не должно случиться. Хоть бы пару часов все оставалось таким же, как и всегда!

Я взбежала по тропе вверх, опустила подол, чуть переложила товары в корзине. Вроде бы все хорошо? Вот только я все сильнее прислушиваюсь к своему дару, боюсь упустить тот момент, после которого сделать уже ничего будет нельзя.

— Анна-Мари, и ты в город?

Я вздрогнула от резкого оклика, оглянулась так же быстро, как испуганная собачонка. А это всего-то идет наш сапожник и в руке у него не далеко не посеребрённый серп, а всего-навсего

пара сапог. Да и откуда бы серпу взяться? Фуух. И вновь легче стало дышаться.

— Это не город, это село, — улыбнулась я.

Известный спор вновь набрал свою силу. Местные отчего-то называют это место городком, хоть домов здесь немного — всего-то две улицы. Да и маг только один — Ролен, он живёт в конце улицы. Ратуши вовсе нет, зато фасад почти каждого дома украшен золотым петушком против всякого сглаза.

Дома здесь приземистые, будто бы они вросли в землю корнями. Зато крыши у них черепичные, яркие, впрочем, как и огороды. Чудак Ролен любит колдовать над семенами, а потом продавать их селянам под видом дорогих диковинок. Чего стоят его квадратные померанцы да фиолетовые огурцы с гладкой кожей. Чудак он. Только бы сегодня мне магу на глаза не попасться, не показать своей родовой силы.

Сапожник презрительно поджал губы, продемонстрировал этим, насколько он недоволен моим мнением. Ну и ладно, зато я смогу продолжить дорогу одна. Здесь и идти-то осталось совсем ничего. Круглые камушки шуршат под ногами, забиваются в обувь. Как только эти земли станут моими, сама лично зачарую дорогу. Или нет? Нет, я прикажу бездельнику Ролену как следует поколдовать, чтоб превратить эти камни в достойную мостовую, чтобы никто здесь больше не портил ни обуви, ни лошадиных копыт. Да и магу полезно будет вспомнить свое ремесло. Это еще хорошо, что на наши земли давно не нападали орки, ничего здесь не разорено. Боюсь, напади они сейчас, наместник ничего бы не смог сделать толком, слишком он слаб, да и за стражами совсем не следит.

Кривоватые ворота в село оказались настезь распахнуты, нижняя выкованная из гномьей стали петля чуть покосилась. Еще немного и руны на ней искривятся, не смогут сдерживать колдовство. И о чем только думают маг и наместник?

Я поймала на себе озадаченный взгляд торговки, тут же опустила

вздернутый подбородок, сделала безразличным взгляд. Сейчас мое дело — продать товары да купить себе хоть сколько-нибудь еды.

Неширокая улочка вьётся мимо симпатичных домов, гнется будто лоза, чуть не петляет. Я засмотрелась на новый белёный дом, он такой симпатичный. Точно шкатулка, которая стояла на полке над нашим камином. Заведешь — звучит мелодия. А потом шкатулку разбил захватчик вместе со всей моей жизнью. Было семейное счастье и не стало его. Я поёжилась, поправила плащ на плечах.

Внезапно из-за угла выскочил всадник, словно возник из ниоткуда. Светлые волосы, смуглая кожа, надменный взгляд, прямая осанка, блестящие пряжки дорогого камзола, громкий крик его стражи — «Поберегись!».

Кажется, лошадь понесла, закусила удила, почуяла волю. А может, ее укусила муха за какое особо нежное место? Сын наместника из всех сил пытается остановить коня, чтоб только тот не понесся в проулок — там ярмарочная площадь, дети, люди. Я вижу, как парень безуспешно тянет повод, конь его махнул головой, прыгнул вперед. А вот я не успела отпрыгнуть, зверь толкнул меня плечом, отбросил прямо к чужому дому, я выпустила корзину, соцветия вереска разлетелись. Ох! Удар спиной о стену, платок слетел с головы. Кажется, я потеряла сознание. Только бы мне сегодня не умереть, это станет слишком большим подарком для врагов моего рода. Мир потемнел, разбился, как та игрушка.

— Вы как? — ласковый совсем не надменный голос, мне в лицо льется вода, рядом причитает женщина. Я распахнула глаза, отвела чью-то руку в сторону.

— Не нужно, прошу вас. Что вы себе позволяете?

Встревоженное лицо сына наместника, его голубые, сияющие отражением слабого дара глаза, кажется, его зовут Чезарио. Да,

точно, так и есть. Я осмотрелась, потом вздрогнула, поспешила отвести глаза в сторону, найти платок, волосы опять выбились, рассыпались по плечам. Вышло совсем неприлично и даже опасно, надеюсь ни одна прядь слишком сильно не намокла.

— Видать крепко треснулась, эка заговорила девка, — грубый голос обжег слух, — Хорошо, что очнулась, господин Борджа. С вас спроса не будет.

Кто-то, похоже страж, собирает в корзину мои товары: веточки, грибы, лепестки. Они разлетелись повсюду.